

Bilous N. P. Folklore zoonominations as linguocultural marks of intimation in animal fairytales.

The article defines folklore zoonominations that reflect communication of the nation's representatives and become linguocultural marks of animal fairytale intimation.

Keywords: folklore zoonominations, zoonyms, ameliorative zoonominations, pejorative zoonominations, animal fairytales.

Боровик О. И.

Донбасский государственный педагогический университет

ЛИНГВИСТЫ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Статья посвящена изучению проблемы безличного предложения в русской синтаксической науке начиная с XIX века. Представлены различные взгляды ученых-синтаксистов по вопросу о синтаксической форме русского безличного предложения в научной литературе.

Ключевые слова: безличное предложение, односоставное предложение, двусоставное предложение, подлежащее, сказуемое.

В прошлом столетии в связи с бурным развитием семантического направления камнем преткновения стал вопрос об односоставном предложении как самостоятельной синтаксической категории. На страницах журнала “Русский язык в школе” развернулась настоящая синтаксическая дискуссия по данной проблеме.

Изучение типов односоставного предложения – одна из актуальных проблем в области синтаксиса русского языка. Говоря об отдельных структурных типах с точки зрения широты проблематики, безличные предложения можно поставить на одно из первых мест. Изучение категории безличности и безличных предложений в русистике продолжается и до сих пор остается одной из актуальных проблем синтаксиса.

Известный ученый-языковед проф. В. Г. Адмони в работе “О двусоставности предложения” “окрестил” проблему односоставного предложения в русском языке как один из “проклятых” вопросов языкознания [1, с. 133].

Многочисленность проблем, возникающих при изучении безличных конструкций, связана, главным образом, с тем, что этот особый тип односоставных предложений не представляет собою единства ни по структуре, ни по функциональному назначению отдельных членов.

Цель исследования заключается в том, чтобы показать динамику развития взглядов ученых-лингвистов на синтаксическую форму русского безличного предложения.

Из этой цели вытекают следующие задачи:

– рассмотреть критерии классификации безличных предложений лингвистами психологического направления;

– показать этапы разработки общих вопросов категории безличности в работах А. А. Шахматова и А. М. Пешковского;

– раскрыть теории различных ученых о двусоставности безличного предложения.

Исследованием безличных предложений занимались языковеды разных направлений.

Лингвистами психологического направления не была достаточно выявлена специфика односоставных предложений, они признавали основой предложения сказуемое (А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский).

Попытки установления критерия классификации были предприняты Д. Н. Овсяннико-Куликовским в специальной статье, посвященной этому вопросу [15, с. 1146-1168]. Положив в основу определения безличных (бессубъектных, по терминологии автора) предложений отсутствие подлежащего, т.е. синтаксический признак, неисчерпывающий их существа Д. Н. Овсяннико-Куликовский оказался перед необходимостью классификации очень широкого круга синтаксических явлений.

Без сказуемого предложение считалось невысказанным, так как только сказуемое способно выразить “особое движение мысли, известное под именем “предсказания” [16, с. 50]. Естественно поэтому, что, например, односоставные предложения, имеющие в качестве главного члена форму именительного падежа существительного (номинативные предложения), признавались неполными А. М. Пешковский, связывая категорию сказуемости, как категорию, создающую предложение, с формами глагола или словами, связанными с этими формами, также сужал круг семантико-структурных типов предложений [17, с. 166-167]. Так, номинативные предложения он квалифицировал как имеющие в своем составе сказуемое – именительный падеж существительного.

Представители логического направления (А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев) рассматривали односоставные предложения как неполные, поскольку в предложении как синтаксической единице усматривалась обязательная двучленность структуры, связанная с построением логического суждения, которое мыслилось только как двучленное.

Исходя из того, что “без сказуемого не может быть суждения”, Ф. И. Буслаев категорически утверждает: “...Но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего” [6, с. 8].

Дальнейшие этапы разработки общих вопросов категории безличности и классификации безличных предложений связаны прежде всего с именами авторов известных капитальных трудов по русскому синтаксису А. А. Шахматова и А. М. Пешковского.

Толкование безличности в работах А. А. Шахматова находится в полном соответствии с его пониманием односоставности предложения вообще.

Называя одночленные предложения односоставными, А. А. Шахматов дает новое определение предложению с одним главным членом: “Член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, мы назовем главным членом, главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях, таким образом, не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации” [8, с. 30]. Признание двусоставного предложения в качестве образцовой модели предложения приводит А. А. Шахматова к определению односоставной структуры по аналогии с двусоставным предложением, то есть к сближению ее главного члена то с подлежащим, то со сказуемым. При этом ученый замечает: “Главный член бесподлежащих предложений по форме соответствует сказуемому двусоставного предложения. Но, конечно, это не сказуемое, точно так же как в односоставных

подлежащих предложениях нельзя говорить о подлежащем” [8, с. 61]. Отсюда и непоследовательность в шахматовской классификации односоставных предложений: подлежащие, бесподлежащие, вокативные и безличные, причем к подлежащим относятся и генитивно-именные, и предложно-именные предложения.

Недостаточно четко выявив сущность односоставности, А. А. Шахматов очень много сделал в описании отдельных видов односоставных предложений, в частности, безличных.

А. А. Шахматов ищет отличительный признак безличных предложений в психологическом восприятии самого главного члена, не считая возможным говорить о каком-то невыраженном представлении за его пределами. Особенностью безличных предложений при этом оказывается выраженное в главном члене сочетание представления о признаке с представлением о бытии, существовании. Таким образом, безличные предложения А. А. Шахматов признает предложениями экзистенциальными [8, с. 87]. Естественно, что не все разновидности безличных предложений укладываются в рамки такого понимания. В ряде случаев исследователь учитывает это, выводя, например, инфинитивные предложения с императивным значением за пределы группы безличных инфинитивных. Оставаясь последовательно на данной точке зрения, нужно было бы выделить из состава безличных и некоторые другие модальные разновидности предложений с независимым инфинитивом.

Вопрос об условиях и времени возникновения безличных предложений, о путях развития их, о соотношении личных и безличных предложений, об их смысловых функциях давно привлекает внимание лингвистов.

Одни из них считали, что безличные предложения произошли из личных. Этой точки зрения придерживались В. А. Богородицкий, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. М. Пешковский.

Терминами “безличные”, “неопределенно-личные”, “определенно-личные” пользовался еще А. А. Потебня [20, с. 219].

В. А. Богородицкий считает, что безличные предложения возникли на почве подразумеваемости. Например, предложение *Морозит*, по мнению В. А. Богородицкого, возникло на почве предложений, состоявших из однокоренных существительного-подлежащего и глагола-сказуемого, т.е. *Мороз морозит*. В предложении же *Морозит*, предполагает В. А. Богородицкий, подлежащее могло опускаться потому, что глагол *морозит* может употребляться исключительно в сочетании лишь со словом *дождь*, чего, например, не наблюдается в предложении *Дождь идет* [10, с. 218].

А. М. Пешковский по этому поводу заявляет: “Безличные предложения возникли из личных, а не наоборот” [6, с. 317].

Это предположение, по мнению А. М. Пешковского, подтверждается как морфологическим анализом, так и исторически: “...Вдумываясь в значение безличных глаголов, мы все-таки откроем в них следы 3-го лица... К тому же приводит и чисто морфологический анализ этой формы: *светает* во всяком случае скорее может ассоциироваться с *работает, пишет, читает*, чем с *работаю, работаешь, работаем* и т.д. Ясно, что поскольку лицо должно мыслиться в глаголе, оно мыслится здесь как третье. Но мыслится-то оно с минимальной ясностью” [6, с. 317].

Переходя к историческому обоснованию своего взгляда на безличное предложение, А. М. Пешковский пишет: “Прежде всего доязыковая мысль основана на ассоциации двух представлений и поэтому всегда двучленна. Было бы очень странно, если бы для нее сразу избрана была одночленная форма” [6, с. 318].

А. М. Пешковский считает, что такие выражения, как свет светит, гром гремит и т.д., “легче приписать древнейшему периоду языка, так как они указывают на первоначальную, мифическую причину явления, на мифического деятеля, производящего его. Устранение этих-то подлежащих и могло создать безличное предложение” [6, с. 317].

Теория происхождения безличных предложений из личных подверглась критике со стороны А. А. Шахматова, по мнению которого, “безличные обороты не могут быть объяснены из личных, ибо если это формально возможно для оборотов, обозначающих явления природы, то для других оборотов безличную форму никак нельзя вывести из личной” [8, с. 89]. При этом А. А. Шахматов исходил из того, что, кроме явлений природы, безличные формы глагола употреблялись в глубокой древности и для выражения внутренних переживаний человека, физических и нравственных [23, с. 88].

Вопросы классификации безличных предложений, их грамматической и семантической характеристики получили далее более детальную разработку в специальной монографии Е. М. Галкиной-Федорук. По ее определению, безличное предложение – это “бесподлежащая конструкция с одним главным членом – сказуемым. В форме которого не выражено значение лица и нет указания на него в контексте” [7, с. 123].

В учебном пособии по синтаксису современного русского языка В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова безличные предложения трактуются как “такие односоставные предложения, в которых выражается действие или состояние, возникающие и существующие независимо от производителя действия и носителя признака [3, с. 100].

Рассматривая вопрос о синтаксической форме безличного предложения нельзя не упомянуть статью Т. Б. Алисовой “Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений”, в которой была предпринята попытка расширить сами границы безличного предложения как предложения односоставного. Так в процессе осмысления русских предложений типа *У меня болят руки; Мне полагаются деньги; Меня охватил страх и т.п.*, автор статьи квалифицирует их как конструкции “неноминативной модели”, как “структурную разновидность безличных предложений” на том основании, что в них, по ее мнению, содержится “формальное подлежащее”, своеобразный “семантико-коммуникативный субстрат” [2, с. 29].

По мнению Т. Б. Алисовой, “при абстрактном подлежащем эти конструкции относятся к собственно безличным как аналитическая форма к синтетической, поэтому рассматривать предложение *Меня охватил страх* как личное, а *Мне страшно* как безличное так же нецелесообразно, как видеть в аналитических формах времен две самостоятельных лексемы” [2, с. 30].

Эта публикация вызвала большие возражения со стороны И. А. Поповой, выступившей в защиту традиционного понимания грамматической безличности русского безличного предложения. По ее мнению, семантика не может быть критерием противопоставления личных и безличных предложений так как “Различие

между активным и неактивным семантическим субъектом и может быть основанием грамматической односоставности предложения, так как наличие подлежащего, активного или пассивного (*Студент решил задачу. – Задача студентом решена*), является грамматическим признаком двусоставности предложения [19, с. 257].

Вместе с тем, в теоретическом осмыслении русского безличного предложения есть и другая тенденция, противоположная первой, а именно подведение их под общую категорию грамматической двусоставности. При этом доказательства у различных ученых-лингвистов – самые разнообразные.

Так, в работе В. Г. Адмони “О двусоставности предложения” утверждается, что в русских глагольных предложениях типа *Светает* “двусоставность выражается в структуре одного слова, с помощью его флексии” [1, с. 148]. Речь идет в данном случае о “морфологической двусоставности предложения”, о том, что подлежащее “представлено в предложении лишь косвенно – как часть сказуемого, как его морфема” [1, с. 144]. “Там, где выступает глагол, – утверждает В. Г. Адмони, – там требуется и подлежащее [1, с. 169].

Эта идея так называемого “сокрытого подлежащего” в предложении восходит еще к Ф. И. Буслаеву, который считал типичным для русского языка грамматическим подлежащим окончание глагола, в том числе и безличного. “В глаголах безличных подлежащее опущено, – утверждал он в своей “Исторической грамматики русского языка”, – а содержится в сказуемом” [5, с. 285].

Другие ученые-лингвисты двусоставность русского безличного предложения пытаются обосновать, взяв на вооружение понятие нулевого подлежащего. Так Е. А. Сидельников в статье “Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений” по поводу предложений типа *Шумит; Стучит; Светает* пишет, что “подлежащее получает в этих безличных предложениях нулевое выражение”, т. е., с его точки зрения, они могут быть представлены схемой: *нуль // стучит* [21, с. 69].

Н. В. Панов в своем лингвистическом очерке “Русский язык” отмечает, что “значимое отсутствие (подлежащего) следует рассматривать как особый показатель, поэтому в предложениях неопределенно-личной, обобщенно-личной и безличной формой глагола необходимо признать наличие подлежащего, выраженного нулем” [24, с. 107].

В статье И. А. Мельчука “О синтаксическом нуле” также утверждается, что отсутствие подлежащего – “это по существу и есть нулевая словоформа – подлежащее” [14, с. 351], которое “семантически пустое и нужно лишь для описания согласовательных форм сказуемого” [14, с. 358-359]. Если “в предложении есть личный глагол, – приходит к теоретическому заключению И. А. Мельчук, – то он должен с чем-то согласовываться, а это “что-то” – всегда подлежащее, в том числе выраженное нулевой лексемой” [14, с. 359].

В работах Г. А. Золотовой прослеживается эволюция взглядов в осмыслении русского безличного предложения. Ученый-синтаксист вслед за Д. Н. Овсяннико-Куликовским предложения типа *Морозит; Морозно; Темно; Смеркается* называет “абсолютно безличными” [12, с. 160].

В своих же последующих публикациях по русскому синтаксису, взяв на вооружение тезис “о принципиальной двусоставности русского предложения” [11,

с. 27–33] Г. А. Золотова предложения типа *Морозит; Морозно; Темнеет; Смеркается* пытается осмыслить уже совсем по-иному, а именно как предложения двусоставные, так как они “приписывают названное предикативное состояние его носителю – среде, пространству, месту, окружающему говорящего, которое часто бывает именовано предложно-падежным или наречным локативом [10, с. 23–34].

Предложения указанного типа, отмечает она, могут “опускать имя носителя в случае его избыточности (также, как и предложения с личным подлежащим, ср.: *Мне больно – Больно; Всем весело – Весело*), сохраняя его позицию и фиксированные средства выражения; в таком случае двусоставная модель предстает в неполной речевой реализации” [22, с. 67].

Идея двусоставности всякого русского предложения защищается и в ее статье “О возможностях перестройки в преподавании русского языка” [13, с. 39].

Продолжение этой мысли наблюдается и у представителей ее школы Г. П. Дручининой и Н. К. Онипенко, они в статье “К вопросу об односоставном предложении” утверждали, что бесподлежащих, односоставных предложений в русском языке не существует, поскольку, по мнению авторов, назначение всякого предложения – это приписывание предикативного признака его носителю [9, с. 80].

Идея двусоставности русского безличного предложения защищается также в статье французского ученого-слависта М. Гиро-Вебер “к вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке” [8, с. 63].

По мнению автора статьи, в предложениях типа *Мне хочется есть; Времени не хватает; Мне повезло; Девочку тошнит* и т. п. – форма косвенного падежа имени и несогласованный глагол-сказуемое сочетаются предикативной связью, так как они создают “предикативный минимум предложения” [8, с. 65]. Отсюда выводится понятие синтаксического подлежащего, которое определяется как “именной компонент в любом падеже, способный, сочетаясь со сказуемым предикативной связью, образовать при помощи определенной интонации правильное и грамматически достаточное минимальное высказывание” [8, с. 66].

Все русские безличные предложения М. Гиро-Вебер квалифицирует как двусоставные несогласованные модели.

Как видим, по вопросу о синтаксической форме русского безличного предложения в научной литературе существует самый настоящий плюрализм мнений.

Итак, сумма точек зрения, учитывая, что теория личности/безличности простого предложения в русском языке тесно связана с теорией подлежащего как главного члена предложения такова:

1. О понятии морфологического (“сокрытого”) подлежащего в работе А. С. Попова “Подлежащее и сказуемое в структуре простого предложения русского литературного языка” [18, с. 27].

2. О понятии нулевого подлежащего (И. А. Мельчук, М. В. Панов).

3. О понятии неноминативного подлежащего (т. е. подлежащего, выраженного именными формами косвенных падежей) эту точку зрения обосновывают в своих работах Г. А. Золотова и М. Гиро-Вебер.

В связи с дискуссионностью данного вопроса, как в прошлом, так и в настоящем открытым остается вопрос: “Может ли подлежащее как главный член предложения в русском языке быть выражено, помимо формы именительного падежа, также и

формами косвенных падежей? Односоставны или двусоставны, по их синтаксической форме, безличные предложения?”

Л и т е р а т у р а :

1. *Адмони В. Г.* О двусоставности предложения // Ученые записки I ЛГПИИЯ, новая серия. – Л., 1955. – Вып. 2. – С. 131-172.
2. *Алисова Т. Б.* Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений // В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М., 1969. – С. 27-36.
3. *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. Ч. III. – М., 1981. – 256 с.
4. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. – М. – Л., 1935. – 356 с.
5. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. – М., 1959. – 622 с.
6. *Буслаев Н. Ф.* Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. II. – М., 1958. – 221 с.
7. *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. – М., 1958. – 331 с.
8. *Гиро-Вебер М.* К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке // ВЯ. – 1979. – № 6. – С. 63-76.
9. *Долин Ю. Т.* Есть ли в русском языке односоставные предложения? (Синтаксическая теория и школьный синтаксис) // РЯШ. – 2000. – № 3. – С. 80-83.
10. *Золотова Г. А.* Об основаниях классификации предложений // Русский язык за рубежом. – 1989. – № 5. – С. 23-34.
11. *Золотова Г. А.* О некоторых теоретических результатах работы над “Синтаксическим словарем русского языка” // ВЯ. – 1986. – № 1. – С. 27-33.
12. *Золотова Г. А.* Очерки функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – 350 с.
13. *Золотова Г. А.* О возможностях перестройки в преподавании русского языка // РЯШ. – 1988. – № 5. – С. 37-42.
14. *Мельчук И. А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: диатезы и залогии. – Л., 1974. – 363 с.
15. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений // Известия ОРЯС, Т. V, кн. I. – СПб., 1900. – С. 1146-1186 // Цитата по книге: Вопросы грамматики и лексики русского языка // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. – Л., 1968. – 383 с.
16. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. – М., 1901. – 322 с.
17. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938. – 511 с.
18. *Попов А. С.* Подлежащее и сказуемое в структуре простого предложения современного русского литературного языка. – Пермь, 1974. – 115 с.
19. *Попова И. А.* Вопрос о безличности предложения. // Исследование по славянской филологии. Сборник посвящен памяти В. В. Виноградова. – М. : Изд-во Московского университета, 1974. – С. 256-261.
20. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. – Харьков, 1888. – С. 219 // Цитата по книге: Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. – М., Высшая школа, 1973. – 364 с.
21. *Сидельников Е. А.* Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Филологические науки. – 1961. – № 3. – С. 66-77.
22. *Степанов Ю. С.* Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981. – 361 с.
23. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. – Л., 1941. – 624 с.
24. *Языки народов СССР. Т. I.* Индоевропейские языки. – М., 1966. – 657 с.

***Боровик О. Й.* Лінгвісти про історію розвитку безособових речень.**

Стаття присвячена вивченню проблеми безособового речення у російській синтаксичній науці починаючи з XIX сторіччя. Представлені різні погляди вчених-синтаксистів щодо питання про синтаксичну форму російського безособового речення у науковій літературі.

Ключові слова: безособове речення, односкладне речення, двоскладне речення, підмет, присудок.

Borovik O. Y. Linguists about the history of development of impersonal sentences.

The article is devoted to learning of the problem of impersonal sentence in Russian syntax from the beginning of XIX century. Different views of scientists according to the questions about the syntactical forms of Russian impersonal sentence are presented.

Keywords: impersonal sentence, one-member sentence, two-member sentence, subject, predicate.

Борщевський С. В.
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

МОВНІ СВДЧЕННЯ ПРАБАСКСЬКОЇ ПРИСУТНОСТІ В ПІВДЕННОЄВРОПЕЙСЬКОМУ АРЕАЛІ

У статті здійснено спробу генеалогічної і типологічної ідентифікації лексики невідомого походження латинської мови в контексті теорії доіндоєвропейського субстрату. На основі виявлених мовних фактів припускається участь неіндоєвропейського, зокрема баскського, компонента у процесах лінгво- та етногенезу в південноєвропейському лінгвогеографічному ареалі.

Ключові слова: лексика невідомого походження, доіндоєвропейський субстрат, лінгвоетногенез, латинська мова, баскський компонент, південноєвропейський ареал.

Постановка проблеми в загальному вигляді, її актуальність та зв'язок із науковими завданнями. У сучасній компаративістиці намітилася тенденція до зближення типологічного мовознавства з порівняльно-історичним [7; 20], що передбачає зіставлення окремих мовних систем, підсистем та рівнів у діахронічному і синхронічному, зокрема й лінгвогеографічному, аспектах. Такий підхід сприяє з'ясуванню дискусійних питань лінгвоетногенезу різних груп індоєвропейців, в тому числі на теренах доісторичної Південно-Західної Європи й Східного Середземномор'я, яке, на думку О. М. Кондратова, можна вважати колискою найдавніших культур, створених народами (баски, мінойці, лігурійці), котрі мешкали від Іспанії до Малої Азії та говорили неіндоєвропейськими мовами [5, с. 82]. Таким чином, об'єктивне розв'язання лінгвоетногенетичних проблем не уявляється можливим без урахування досягнень лінгвістичної контактології. У загальній теорії мовних контактів та етнічних впливів особливе місце належить, як відомо, теорії субстрату (Г. І. Асколі), під яким розуміють сукупність рис мовної системи, що їх неможливо вивести з внутрішніх законів розвитку даної мови. Такі риси пов'язані з асимільованою місцевою мовою, яка раніше була поширена на цій лінгвогеографічній території [6, с. 497].

Незважаючи на широкий спектр студій, у яких компаративісти припускають доіндоєвропейське походження помітного шару лексем із давніх середземноморських мов, відчувається брак комплексних компаративно-типологічних праць у цій галузі, що негативно позначається на об'єктивності результатів субстратних досліджень і зумовлює **актуальність** нашої розвідки.

Метою статті є привернення уваги етимологів до специфічних фонетичних і словотвірних характеристик, а також яскравих баскських паралелей лексем невідомого або сумнівного походження латинської мови – державної мови Римської імперії,